

Время М.И. - 2003. - 23 мая - с. 8 Экскурсия по Бахчаняну

Сегодня в Центре современного искусства на Зоологической улице состоится презентация книги знаменитого Вагрича Бахчаняна, там же открывается выставка его графики. И все это — в день рождения художника.

Уральское издательство «У-фактория» выпустило альбом Вагрича Бахчаняна с футуристским названием «Мух уйма». Эта книга слишком долго шла к читателю. Сперва по понятным причинам, потом — по непонятным. Бахчаняна очень рано — с конца пятидесятых — затеял рискованную игру с советским режимом. Понятно, что его творчество — за редкими, но памятными исключениями — уходило в самиздат. Однако уже и в новой, бесцензурной России Вагричу до обидного долго не находилось места. Он возвращается к читателю с непростительным опозданием. Конечно, Бахчаняна и так знают в России. Его знаменитые остроты разошлись по стране, часто потеряв по дороге автора. Но только сейчас, с выходом книги, российская публика сможет наконец познакомиться с творчеством Бахчаняна хоть и в ограниченном, но все-таки впечатляющем объеме.

Впрочем, даже с книгой в руках сделать это не так просто. Бахчаняна — автор беспрецедентно разнообразный. Он работает в жанрах, которые сам себе создает. Обычно его считают художником, но это — только часть

правды. С таким же успехом Вагрича можно назвать писателем, а еще лучше — поэтом.

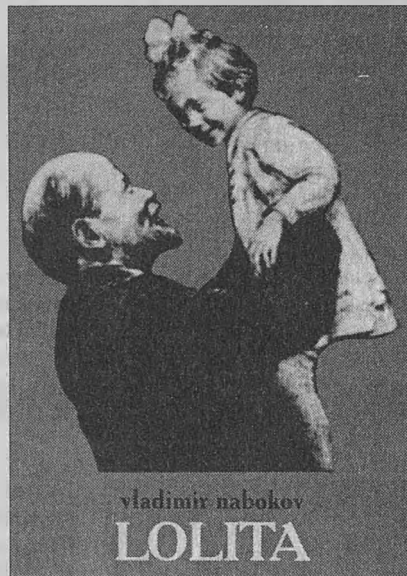
Главная, хотя далеко не единственная особенность его творчества заключается в том, что Вагрич предпочитает действовать на чужой территории. Еще в молодости, осмыслив кризис перепроизводства в искусстве, Бахчаняна открыл для себя ножницы. С тех пор его любимое (хотя опять-таки далеко не единственное) орудие — коллаж. Он пользуется чужими образами и чужими словами. Меняя контекст и порядок, Вагрич достигает незабываемо острых эффектов: часто смешных, иногда — глубокомысленных, всегда — неожиданных. Один из любимых приемов Бахчаняна — насытить готовые, окостеневшие формы новым содержанием.

Некролог № 1

21 января 1924 года умер В. И. Ленин, а дело его живет.

Некролог № 2

Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза, Пре-

зидиум Верховного Совета СССР, Академия наук СССР с прискорбием сообщают о том, что академик САХАРОВ АНДРЕЙ ДМИТРИЕВИЧ чувствует себя нормально и продолжает заниматься своей деятельностью.

Некролог № 6

Комитет государственной безопасности сообщает о том, что 12 сентября 1979 года в 17 часов 30 минут в авто-

мобильной катастрофе погибнет литератор Н.

Синяевский считал Вагрича последним футуристом. Это верно, но с таким же успехом Бахчаняна можно назвать и первым постмодернистом. Другое дело, что опусы этого направления появились задолго до того, как сам термин вошел в оборот.

В гриме Хармса

Я всегда любил рассказы Даниила Хармса. Мне всегда хотелось стать его соавтором. Но, увы, Хармс погиб в год моего рождения. Тогда я взял его рассказы, оставил все как было, лишь изменил фамилии героев. В результате получилась серия дружеских шаржей на известных деятелей эмиграции.

Басня

Сергей Довлатов сказал: «Я согласен на все, только бы быть хоть капельку выше».

Только он это сказал, как смотрит — стоит перед ним волшебница.

— Чего ты хочешь? — спрашивает волшебница.

А Сергей Довлатов стоит и от страха ничего сказать не может.

— Ну? — говорит волшебница.

А Сергей Довлатов стоит и молчит.

Волшебница исчезла.

Тут Сергей Довлатов начал плакать и кусать себе ногти. Сначала на руках все ногти сгрыз, а потом на ногах.

Читатель, вдумайся в эту басню, и тебе станет не по себе.

Анекдоты из жизни Бродского

Бродский всегда был поэтом и все что-то писал. Однажды Алешковский застал его за писанием и громко воскликнул: «Да никак ты писака!» С тех пор Бродский очень полюбил Алешковского и стал называть его по-приятельски просто Алешкой.

Как известно, у Бродского никогда не росла борода. Бродский очень этим мучился и всегда завидовал Солженицыну, у которого, наоборот, борода росла вполне прилично. «У него растет, а у меня не растет», — частенько говаривал Бродский, показывая ногтями на Солженицына. И всегда был прав.

Однажды Халиф стомал свои часы и послал за Бродским. Бродский пришел, осмотрел часы Халифа и положил их обратно на стул. «Что скажешь, брат Бродский?» — спросил Халиф.

«Стоп машина», — сказал Бродский.

АЛЕКСАНДР ГЕНИС, НЬЮ-ЙОРК